

НАЙО МАРШ

Найо Марш (1895–1982) –
ярчайшая звезда «золотого века»
английского детектива,
автор 32 романов и множества пьес.
Ее имя стоит в одном ряду с такими
признанными классиками жанра,
как Агата Кристи и Дороти Л. Сэйерс.
За свои литературные достижения
она была удостоена звания дамы-
командора ордена Британской
империи.

NGAIO
MARSH

DEATH AT
THE DOLPHIN

НАЙО
МАРШ

.....
СМЕРТЬ В ТЕАТРЕ
«ДЕЛЬФИН»
.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М30

Серия «Золотой век английского детектива»

Ngaio Marsh
DEATH AT THE DOLPHIN

Перевод с английского *А. Андреева*

Серийное оформление *В. Половцева*

Печатается с разрешения Aitken Alexander Associates Ltd.
и The Van Lear Agency LLC.

Марш, Найо.

М30 Смерть в театре «Дельфин» : [роман] / Найо Марш ; [перевод с английского А. Андреева]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-133152-8

Когда молодой талантливый драматург и театральный режиссер Перегрин Джей получает от таинственного нефтяного магната в свое распоряжение разбомбленный лондонский театр — для набора новой труппы и постановки спектаклей, — радости его нет предела. После реставрации «Дельфин» процветает: пьеса Джея о жизни Шекспира идет с аншлагом, чему в большой степени способствует выставленная на обозрение в фойе перчатка сына великого поэта, переданная на временное хранение щедрым миллионером. Однако бесценная реликвия — слишком лакомый кусочек: раритет похищен, сторож убит, а единственный свидетель — мальчик-актер — лежит в больнице без сознания. Суперинтенданту Родерику Аллейну придется разобраться, что же произошло в театре в тот роковой вечер.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Ngaio Marsh Ltd., 1967
Школа перевода В. Баканова, 2022
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2022

ISBN 978-5-17-133152-8

*Эдмунду Корку
с благодарностью и любовью*

Глава 1

МИСТЕР КОНДУСИС

I

— «Дельфин»? — переспросил клерк. — «Дельфин»... Ну да. Ключи у нас. Хотели поглядеть?

— Хотел, если возможно, — пробормотал Перегрин Джей, недоумеая, почему подобные беседы всегда ведутся в прошедшем времени. — То есть хотел, — продолжил он более солидно, — и все еще хочу. Да, хочу посмотреть, если позволите.

Лицо клерка исказилось то ли усмешкой, то ли тиком. Перегрин почувствовал, что его внешность не внушает должного почтения.

— Театр ведь выставлен на продажу?

— Да, он продается, все верно, — презрительно подтвердил клерк, сверившись с каким-то документом на столе.

— Могу я поглядеть?

— Сейчас?

— Если возможно.

— Ну, даже не знаю, есть ли сейчас кто свободный... — Клерк задумался, хмурясь на грязные потоки дождя, стекающие по окнам кабинета.

— Послушайте, «Дельфин» — старый театр. Я — театральный деятель. Вот моя карточка.

6 Если пожелаете позвонить моим агентам или руководству моего нынешнего театра «Единорог», они подтвердят, что я честный, непьющий, усердный, чертовски хороший режиссер и драматург и обладаю всеми прочими атрибутами, которые могут подвигнуть вас одолжить мне ключи от театра «Дельфин» на час. Я хотел бы, — повторил Перегрин, — посмотреть театр.

Лицо клерка стало непроницаемым.

— Конечно, — пробормотал он и, искоса глядя на карточку, словно она могла сбежать, пододвинул ее к себе. Клерк погрузился в себя и, похоже, принял решение. — Ну хорошо, мистер... э-э... Обычно так не делается, но мы постараемся пойти вам навстречу.

Он повернулся к грязно-белой доске, где висели ключи — черные хвостики на потрепанной горностаевой мантии.

— «Дельфин»... — повторил клерк. — Угу, есть. Вот. — Он снял с доски связку ключей и положил ее на стол. — Возможно, будет трудно повернуть. Мы редко смазываем замки. Не так часто спрашивают. И немало времени прошло.

— Четверть века, — подтвердил Перегрин, принимая ключи.

— Точно. Я тогда был ребенком. Дорогу найдете, мистер... э-э... Джей?

— Спасибо, доберусь.

— Это вам спасибо, сэр! — отозвался клерк с неожиданным почтением, хотя и выражая всем своим видом полное неверие в то, что Перегрин станет их клиентом. — Ужасная погода. Не забудете вернуть ключи?

— Не сомневайтесь, — ответил Перегрин 7
почему-то голосом комика Робертсона Хэа.

Уже у двери он услышал голос клерка:

— Кстати, мистер... э-э... Джей. Будьте поаккуратнее. Под ноги глядите. Особенно на сцене. Там значительные повреждения.

— Благодарю. Я буду осторожен.

— Дыру прикрыли, но уже давно. Прямо колодец, — добавил клерк, пристально изучая свой палец. — Как-то так. Будьте аккуратнее.

— Буду.

— И я... э-э... не отвечаю за то, что вы там найдете. Туда ведь бродяги забираются. То и дело. Один там умер с год назад.

— Ох...

— Вряд ли это повторится.

— Надеюсь.

— Ну, тут уж мы ничего не могли поделать, — строго сказал клерк. — И как они вошли? Наверное, окно выбили. За всем ведь не уследишь.

— Это верно, — согласился Перегрин и вышел вон.

Дождь лил стеной. Брызги от асфальта стучали в окна и двери; дождь лупил по зонтику так, что казалось, сейчас его сломает. Под гребенчатым в капельках краем зонта виднелась Темза, в оспинах и рябая. Народу на улице было немного. Мимо натужно ползли фургоны на низкой передаче. Здания вокруг стояли непонятные: были ли это склады или конторы владельцев пристаней? Синий фонарь вдали освещал вход в Управление речной полиции. Перегрин миновал дверь с аккуратной вывеской «Управление лондонского порта», потом еще одну со старинной надпи-

8 сью: «Компания речного флота. Неустойки за простой. Причальный сбор. Справки».

Улица резко повернула вправо и пошла параллельно реке. Перегрин поднял зонтик, и перед ним, словно за поднятым занавесом, возникло строе- ние. Дождь внезапно прекратился, тучи разошлись. Подсвеченный солнечными лучами, между пабом «Приятель речника» и расчищенным после бом- бежки участком стоял высокий, квадратный и не- лепый театр «Дельфин».

Пегррин представил, как сотню лет назад, при свете дня лодочники и барочники, судовые торгов- цы, деловые господа, моряки дальнего плавания и приречная чернь смотрели на «Дельфин». Раз- глядывали хлопающие флаги, восхищались кари- атидами с деликатно позолоченными локонами и сосками. Мистер Адольф Руби, тот самый Адольф Руби, стоял здесь, на Уорфингерс-лейн, заложив большие пальцы в проймы жилетки, — сигара в одну сторону, шляпа в другую — и не сводил вос- хищенных глаз со своего дворца незамутненного развлечения. «Ох, ох, — подумал Перегрин, — и теперь я стою здесь, только, увы, не в лакирован- ных ботах мистера Руби. И кариатиды смотрят на меня совершенно равнодушным взглядом».

Они действительно смотрели — по две с каждой стороны портика, ниже талии благопристойно при- крывшись завитушками. На закопченных головах и руках покоился милый балкон с коваными пери- лами; хотя гипсовая листва отделки местами по- страдала, кариатиды оставались в хорошей форме. Безудержная фантазия Перегринна счистила слой сажи и восстановила элегантную вывеску: два игри- вых морских млекопитающих поддерживают над

портиком сияющие позолотой буквы «Те-
атр “Дельфин”».

9

Минуты две Перегрин разглядывал здание с противоположной стороны улицы. Солнце теперь сияло всюду, отражаясь от речных волн, судов и мокрых крыш; от булыжной мостовой перед театром поднимался легкий пар. В шум дня вpleлись крики чаек и гудки барж.

Перегрин пересек сырой переулок и вошел в портик. Его окружили старые афиши, включая извещение агента, повисевшее здесь явно очень долго — порванное и выцветшее. Там было написано: «Коммерчески ценный участок».

«В таком случае, — задумался Перегрин, — почему же он не продан? Почему ни одно дальновидное коммерческое предприятие не ухватило за ценный участок и не отправило театр “Дельфин” в тартарары?»

Были там и другие документы прошлого. «Сенсация!» — вопил один плакат, но продолжение было оторвано, и оставалось только гадать, что обещал плакат. «Проваливай...» — было начертано мелом на одной из дверей; кто-то стер остаток надписи, заменив его более-менее предсказуемыми граффити.

Подойдя ближе, Перегрин обнаружил на фронтоне — высоко, вне досягаемости — истрепанную афишу. Такие древности ценятся знатоками, а кенсингтонские театральные лавочки мастерят из них абажуры.

«СВАДЬБА НИЩЕНКИ

По многочисленным просьбам!

Мистер Адольф Руби

представляет

возобновленное представ...»

10 Продолжения не было.

И когда же, задумался Перегрин, эти многочисленные просьбы тронули сердце мистера Руби? В восьмидесятых? Он знал, что тот дожил до последнего десятилетия века, а в лучшие годы купил, перестроил и восстановил «Дельфин», украсил кариагидами, гирляндами, морскими млекопитающими и рогами изобилия, добавив позолоты и розовой карамельности к скромной элегантности кованого железа и гладких стен. Когда он внес все эти изменения? Правда ли, что на склоне лет он продал «Дельфин»? Если да, то кому? По слухам, в начале Второй мировой здание служило складом старьевщику.

А кто хозяин теперь?

Перегрин остановился перед главным входом с замочной скважиной, к которой не составило труда подобрать нужный ключ — такой большой, что мог бы висеть на поясе тюремщика в постановках мистера Руби. Ключ легко проник в скважину, однако поворачиваться не желал. Ну вот что бы попросить у клерка масленку?.. Перегрин боролся с ключом, когда из-за спины донесся голос:

— Что, приятель, никак?

Обернувшись, Перегрин обнаружил человека в фуражке лодочника и в залоснившемся синем костюме. Голубые глаза румяного мужчины средних лет глядели с нахальным спокойствием.

— Вам надо немного старого доброго суперсредства, — произнес незнакомец с хрипотцой. Перегрин удивленно уставился на него. — Масло, говорю. Смазать.

— Да, конечно.

— А в чем вообще дело?

— Хочу осмотреться, — хмыкнул Перегрин. — К черту. Лучше через служебный вход.

— Ну-кась, позвольте.

Перегрин шагнул в сторону, и к замку встал незнакомец. Попробовал повернуть ключ, сначала деликатно, потом с усилием.

— Бесплезняк! Момент...

Он пошел прочь, пересек улицу и исчез между двумя приземистыми строениями в узком проходе, ведущем, похоже, к реке.

«Проклятье! — спохватился Перегрин. — Ключ унес!»

Два громадных грузовика с укрытыми брезентом кузовами прогрохотали по Уорфингерс-лейн мимо театра. Большие запертые двери затряслись и застучали, и на руку Перегрину посыпались куски штукатурки. «Он медленно умирает, — мелькнула страшная мысль. — “Дельфин” содрогается в агонии».

Когда проехал второй грузовик, вернулся человек в фуражке; в одной руке он держал масленку и птичье перо, в другой — ключ. Снова перейдя улицу, он вошел в портик.

— Очень вам признателен, — сказал Перегрин.

— Нет проблем, ваш-сочество. — Незнакомец смазал замок и после недолгих манипуляций повернул ключ. — Наше вам, — сказал он и повернул дверную ручку.

Язычок замка громко шелкнул.

— Нормалек, — сказал человек и шагнул в сторону. — Ну что ж, долг зовет, как сказал раб, отправляясь на галеры.

12 — Погодите-ка... — произнес Перегрин. —
Выпейте за мое здоровье. Держите. — И по-
ложил в руку помощника три полкраны.

— Тут уж не откажусь, мистер. Шпашибо. Уда-
чи вам.

Перегрину не терпелось открыть дверь, но не-
знакомец, явно любопытный малый, не отходил.
А Перегрину хотелось побыть в «Дельфине» од-
ному.

— Работаете где-то поблизости? — спросил он.

— «Дан Карбой. Фиппс Броз». Лекарства и про-
чее. Звать меня Джоббинс. Смотритель. Был ма-
тросом на лихтере*, но нутро слабое. Ладно, пока,
сэр. Надеюсь, справитесь с этими, с привидени-
ями которые. Ни пуха вам!

— Прощайте, и спасибо.

С протяжным стоном дверь распахнулась, и
Перегрин вступил в «Дельфин».

II

Ставни не были закрыты, и окна, хоть и гряз-
ные, давали достаточно света, чтобы можно было
разглядеть фойе — на удивление просторное. Два
лестничных пролета с очаровательными коваными
перилами уходили справа и слева во тьму. В глу-
бине в сумраке терялись два прохода, несомненно
ведущие к ломам и первым рядам партера. Вход
в оркестровую яму должен быть где-то дальше.

Справа от Перегрина находилась очень вычур-
ная билетная касса, установленная еще при ми-

* Лихтер — небольшое плоскодонное судно для
погрузки и разгрузки больших судов.

стере Руби. Пара важничавших гипсовых купидончиков висела вниз головами с щекастой безмятежностью; похоже, в лучшие времена малыши явно подсчитывали выручку. В тени на резном постаменте притаился бюст Шекспира. Грязные стены, обшитые панелями, отсвечивали стародавними розовым и золотым. Лестничная площадка на уровне балкона, тоже с коваными перилами, почти наполовину нависала над нижним фойе. Вглядываясь в темноту, Перегрин угадывал люстру. Запах стоял ужасный: крысы, гниль и неопишуемая вонь от бездомных, о которых говорил клерк. И все же как, наверное, был прекрасен театр в ранневикторианской изысканности даже с нелепыми добавлениями мистера Руби.

Перегрин двинулся к правой лестнице и обнаружил два указателя: «Бельэтаж» и «К бару “Париж”». На знаках художник изобразил руки с кружевными манжетами. Куда сначала — наверх или в партер? Наверх.

Проходя мимо грязных, шелушащихся панелей, Перегрин обратил внимание на разделяющий их гипсовый орнамент. Провел пальцем по чугунным перилам — и сразу отдернул руку, ощутив слой мистической пыли. А вот и верхнее фойе. Две лестницы выходили с двух сторон на площадку на уровне балконов, образующую крышу галереи-портика над нижним фойе. Три невысокие ступеньки вели с трех сторон этой площадки наверх. Всю структуру поддерживали элегантные чугунные колонны.

Здесь было темнее, и Перегрин смог добраться только до бара «Париж». Стойка пропала — видимо, красное дерево стоило того, чтобы украсть

14 его и продать. Ковер под ногами зиял проплешинами, на окнах висели остатки штор. Стекла остались целы, судя по тому, что звуки внешнего мира доносились едва-едва; возможно, снаружи окна прикрывали щиты. Было необычайно тихо, душно, мертво.

«*Все, как мышь, притихло*»*, — припомнил Перегрин. И в тот же миг услышал торопливый топот. Что-то пробежало по его ступне. Охваченный дрожью, Перегрин затопал ногами — и чуть не задохнулся от поднявшейся пыли.

Он сделал несколько шагов вперед. Из сумрака возник человек без лица и двинулся навстречу.

— Ух! — сдавленно булькнул Перегрин и замер. Замер и черный человек.

У стены бара стояло большое зеркало.

Не так давно Перегрин бросил курить; сейчас затаился бы сигаретой с наслаждением. Вместо этого он засвистел; в глухом месте унылый свист тонул, не оставляя эха. Перегрин прошел по фойе к ближайшей из двух дверей в зрительный зал и попал на балкон.

Он и забыл про последствия бомбардировок. Из дыры в крыше зала бил яркий солнечный луч, который упирался в сцену. В пятне мягкого солнечного света стоял сломанный трон, будто поджидающий одного из актеров мистера Руби. За тронном притаилась черная клякса — Перегрин не сразу сообразил, что это, должно быть, та самая дыра, о которой упомянул клерк.

По сравнению с ярким пятном солнечного света остальное здание выглядело черным. Зал имел

* У. Шекспир. «Гамлет». Перевод Б. Пастернака.

классическую форму подковы и вмещал, по прикидкам Перегрин, примерно пятьсот зрителей. На плюшевых спинках кресел кое-где поблескивали стальные элементы отделки, с просцениума свисала петля бахромы — все, что осталось от занавеса.

Перегрин прошел по балкону до передней ложи, где ужасно воняло. Выйдя прочь и открыв следующую дверь, Перегрин обнаружил стальную лестницу на сцену.

Ступени, покрытые толстым слоем пыли, отзывались приглушенным звоном, словно он прижал левую педаль рояля.

На сцене, как и положено театральному человеку, Перегрин сразу почувствовал облегчение и даже радость. Он вошел в столб света — плотный от пылинок, кружащих, танцующих и вихрящихся в ответ на движения пришельца, — встал у сломанного трона и повернулся к зрительному залу. Причудливо освещенный, зал казался наполненным зрителями мистера Руби. Бобровые шапки, дамские шляпки, пальто, шали, шелест программ, ряды бледных овалов — лиц... «Просто волшебство!» — подумал Перегрин и, чтобы охватить взглядом все целиком, сделал шаг назад.

III

Упасть без предупреждения, даже с высоты одной ступеньки, неприятно. Упасть с высоты собственного роста в холодную вонючую воду — чудовищно, кошмарно, подобно маленькой смерти. В первый момент Перегрин ощутил только физическое оскорбление. Вглядываясь в луч света,